

НИКОЛАС БИНДЖ
ВОСХОЖДЕНИЕ

Перевод с английского
Виталия Тулаева

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(411)
ББК 84(4Вел)
Б62

Nicholas Binge
ASCENSION

This edition is published by arrangement with Greyhound
Literary Agents
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского:
Виталий Тулаев

Школа перевода
В. Баканова

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Василия Половцева*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

ISBN 978-5-17-175898-1

Nicholas Binge «Ascension» © 2023
© Виталий Тулаев, перевод, 2026
© Василий Половцев, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Посвящается Оскару, учившему меня
всегда идти вверх

Я оставляю Сизифа у подножия горы. Коли суждена тебе ноша, ты никуда от нее не денешься. И все же Сизиф, поднимая камни, учит высшей, отрицающей богов верности. Сизиф считает, что все идет как нужно. Отныне вселенная, которой никто не повелевает, не кажется ему ни бесплодной, ни бесполезной. Преодоление трудностей на пути к вершине способно наполнить сердце человека. Следует полагать, что Сизиф счастлив.

Альбер Камю. Миф о Сизифе

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой брат пропал двадцать девять лет назад, но не в определенный день или в каком-то конкретном месяце. Процесс его ухода из нашей жизни был медленным, и осознание неизбежного, засев в мозгу занозой, проникало в меня постепенно, словно яд.

В девяностом он не праздновал Рождество в семейном кругу. Не объяснился, не написал. Просто не приехал.

Не скажу, что его отсутствие меня тогда сильно удивило. Все в стиле уважаемого ученого, разносторонне одаренного человека. Гарольда Танмора вечно ждало какое-то великое открытие, всегда находился запутанный клубок, который ему кровь из носу следовало распутать — а остальное подождет. Я никогда не понимал тягу брата к неизведанному, однако с годами с ней смирился. На Гарольда нельзя было положиться, он витал в облаках.

Впрочем, в течение последних пяти или шести лет он взял себя в руки и даже стал настоящим

дядей для моей дочери Харриет. Приходил на дни рождения и другие торжества, причем обязательно с какой-нибудь необычной безделушкой, привезенной из путешествий. Порой появлялся без предупреждения и, к неудовольствию моей жены, забирал с собой Харриет. Они ходили в походы, исследовали шотландские леса или разбивали лагерь на берегу озера. Не знаю, что послужило причиной подобных перемен, но я их приветствовал. Так здорово было видеть брата чаще после долгих лет, когда он надолго пропадал, отделиваясь невнятными отговорами!

Словом, для меня не стало неожиданностью, когда на Рождество Харриет отказалась выходить из своей комнаты, пока не приедет дядя. Ей недавно исполнилось четырнадцать — тот возраст, когда еще стремишься видеть в людях только их лучшую сторону. Я — другое дело, я был готов к неожиданностям. Наверное, это прозвучит ужасно, однако я все время гадал, сколько лет или месяцев пройдет до очередного срыва.

Первое письмо от Гарольда поступило в конце февраля, а весной — еще два. Все три были отправлены на имя Харриет. Прочитав их, она позволила мне с ними ознакомиться. Я сперва решил — шутка, настолько странным и неправдоподобным, на грани абсурда, оказалось содержание. Теперь я понимаю, что тогда выдавал желаемое за действительное.

Письма не были написаны в хронологическом порядке. Их объединяла общая идея — настолько размытая, что я затруднялся уловить суть. Позже я решил, что в описании фантастических событий присутствует своеобразный скрытый код, который требуется расшифровать. Зачем Гарольд адресовал письма племяннице? Что она должна была из них извлечь? Мне не стыдно признать: интеллектом я сильно уступаю брату. И не только я... Мы показали послания моей сестре Поппи, и она лишь пожала плечами: «Не забивай себе голову, Бен. Все ходы в этом лабиринте заканчиваются тупиками. Я прекратила попытки понять брата много лет назад».

Он так больше и не вернулся. Ни разу не написал и не позвонил.

Я ждал. Вдруг будет какой-то знак? Может, Гарольд бродит по свету в поисках артефактов, совершая невероятные открытия? Со временем я поймал себя на том, что невольно предпринимаю попытки найти брата. Сперва связался со старыми друзьями, затем посетил несколько университетов, где он когда-то преподавал. Растущее во мне беспокойство начало выплескиваться через край, но я убеждал себя: Гарольд есть Гарольд, подобные эскапады вполне в его духе.

Так минуло два года; мои усилия не дали решительно никакого результата. Похоже, я сознательно посвятил себя бесполезному предпринятию. Разговаривал с полицией, наводил справки

в лабораториях, где брат занимался исследованиями. По выходным совершал поездки к старинным знакомым и коллегам, используя связи в юридической сфере, чтобы беспрепятственно вести расследование. По настоянию Харриет я делал все, что мог, пытаюсь определить, куда мог податься Гарольд.

Увы, на его след я так и не попал.

Не нашел ни единого намека, ни грамма полезной информации. Такое впечатление, словно зимой девяностого года брат просто растворился в эфире.

Остались лишь письма, которые мы зачитали до дыр. Неделями изучали вместе с дочерью заляпанные пятнами кофе страницы, усаживаясь вечером за кухонный стол. Корпели до утра и с каждым разом находили в посланиях все меньше смысла.

Время неумолимо шло, и жена вздыхала, видя, как мы с Харриет теряем остатки надежды. Осенью девяносто восьмого мы с Поппи наконец официально заявили о смерти Гарольда.

Странно сознавать, что некоторые воспоминания не покидают тебя никогда. Даже теперь я порой вижу себя сидящим в садике у часовни. Холодный утренний ветерок пощипывал кожу, и я, погрузившись в размышления, машинально запахнул куртку. На дворе был ноябрь, и уже через два дня мне предстояло про-

изнести речь в честь Гарольда на его похоронах. Увы, я так и не сумел сочинить ничего дельного.

Эмоциональный стиль никогда не был моим коньком — я набил руку на записи свидетельских показаний и составлении судебных повесток, — и все же хотелось почтить память Гарольда, рассказать о наследии, что он за собой оставил. Так или иначе, каждый раз, когда я заносил ручку над страницей, в голове возникала звонкая пустота. Чем дольше я маялся, тем с большим упреком на меня смотрел девственно-чистый лист бумаги.

Дело в том, что я никогда по-настоящему не знал своего брата.

За исключением последних нескольких лет перед таинственным исчезновением, я видел его нечасто. В двадцать он начал учиться на врача, а к тридцати уже работал консультирующим хирургом. Всегда был занят, всегда востребован. Когда я предлагал встретиться, Гарольд извинялся: сейчас не может, но как-нибудь обязательно найдет время. Потом он ушел из медицины, так и не объяснив причин, хотя свободнее все равно не стал — то участвовал в исследованиях горных образований в Южной Америке, то трудился над доказательством математической теоремы в Индии. Мы с братом вели совершенно разную жизнь; казалось, он обитает в другом мире, куда мне доступа нет.

В детстве Гарольд был неуклюжим, тихим и задумчивым мальчиком. Учителя в начальных

классах даже одно время считали моего брата немым. На небольшом округлом лице Гарольда постоянно лежала печать сосредоточенности; он часто хмурил брови, словно окружающее приводило его в замешательство. Мы с сестрой пребывали в уверенности: у младшенького не все в порядке с головой. О, как мы ошибались! Он просто совершенно иначе ощущал мир. Мы воспринимали его как данность, а Гарольд видел в нем возможности. Там, где для нас все было ясным и понятным, он чувствовал неопределенность. Там, где мы вставали в тупик, Гарольд делал странные для нас выводы и обнаруживал неочевидные связи.

Поппи прошла в сад и уселась рядом, нарушив ход моих мыслей. Она принесла с собой бутылку красного вина и пару пластиковых стаканчиков, однако некоторое время сидела молча — смотрела на кладбище, где мы установили надгробие над могилой без покойника.

— Боюсь, у меня ничего не получится,— прошептал я.

— Кто, как не ты, Бен? — вздохнула она, положив ладонь мне на плечо.— Никто его не знал. Я имею в виду — не знал как личность. Только мы с тобой. Может, нам стоит перенести на бумагу те немногие впечатления, что у нас есть? Что-то ведь сохранилось в памяти с тех пор, как он был малышом, а мы с тобой — уже подростками.

Я пожал плечами.

— Мы с ним особо и не общались, Попс. Он вечно находился в своем мире, даже когда навещал Харриет. По-моему, брату со мной было скучно.

Я тяжело сглотнул, а Поппи, обняв меня, рассмеялась. Я тоже невольно улыбнулся, несмотря на нерадостные мысли.

— Знаешь, у меня самое отчетливое воспоминание о Гарольде осталось от нашей поездки во Францию. Помнишь, мы сидели там за кухонным столом? Сколько нам было — восемь, девять? Ему-то точно не больше шести.

— Ты о Ницце?

— Да-да. Пустяки, конечно, глупости. Отец тогда сбежал купил на завтрак выпечку, и мы с тобой набросились на нее, как ненормальные. Запихивали в рот круассаны, а Гарольд... Гарольд бесстрастно наблюдал. А потом спокойно начал разбирать пакет.

— Господи, да! Точно: он ведь тогда и не съел ничего.

— Ага, просто разделил содержимое пакета на двадцать равных порций, а потом начал раскладывать их на столе в виде геометрических фигур. Занимался этой ерундой часа полтора. Я еще подумала — ну что за странный тип!

Теперь засмеялся я.

— Еще какой странный! Мы с мамой вечно шутили — он, мол, уже к тридцати возьмет Нобелевскую премию. А когда ему исполнилось восемнадцать, стало не до шуток. Появилась

уверенность.— Я сделал глоток вина.— А как он на тебя смотрел?

— Боже, этот взгляд! — Поппи притворно схватилась за голову.— Помнишь, значит?

— А то! Гарольд будто пытался разгадать загадку. Хотя он на все смотрел примерно так же.

Она кивнула.

— Такое ощущение, что в воздухе проявлялась инструкция по эксплуатации мира, которую мог разглядеть только наш брат, и то если хорошенько сосредоточится.

Мы немного помолчали, и меня охватило теплое чувство — словно добрые воспоминания обладали свойством согревать. После пары бокалов вина Поппи мне подсобила, и мы вместе написали прощальную речь. Я произнес ее на скромной и довольно гнетущей церемонии. Большинство собравшихся знало Гарольда лишь понаслышке.

Брата я не забыл, однако научился не думать о нем постоянно. Прошло почти десять лет, прежде чем мне удалось смириться с утратой. В конце концов, хотя бы ради собственного душевного здоровья, я убедил себя: его больше нет.

А потом, девять месяцев назад, мне вдруг позвонил старый приятель, Майки. Наш разговор, продолжавшийся не более пяти минут, оставил в моей памяти глубокий след.

— Привет, это Бен Танмор?
— Он самый.
— Это Майк Харт. Майки, из Королевского колледжа.

— Майки? Господи, неужели ты? Сколько лет от тебя не было вестей? Целая жизнь прошла... Как ты, дружище?

— Хорошо, отлично. Послушай... Мне хотелось бы поболтать как следует, но сейчас я должен сообщить тебе кое-что важное.

— Слушаю, Майки,— ответил я, отмечая, как он взволнован.

— Я только что был в госпитале Святой Бригитты.

— Вот как? — нахмурился я.— Где это?

Он слегка замялся.

— В Суррее. Даже, я сказал бы, в Эпсоме. Это... знаешь, это психиатрическая лечебница, пожизненный уход за душевнобольными. Я... я довольно часто навещаю там свою бабушку и...

— Майки, к чему ты клонишь?

— Сперва решил, что обознался, а потом вспомнил, как однажды в отпуске был у вас на озерах, и он... он тоже приезжал тем летом. Его взгляд забыть невозможно. Он смотрел так, будто пытался что-то в тебе вычислить. И вдруг до меня дошло: вроде Тоби говорил, якобы он умер много лет назад.

Я судорожно стиснул трубку.

— О чем ты, черт возьми, Майки?

— О твоём брате, Бен. Он там, в лечебнице. Я уверен на все сто. Узнал бы его по взгляду где угодно.

Дорога от Уиндермира до Суррея заняла около шести часов, хотя я за это время прожил десять лет — или целую историческую эпоху. В голове крутился миллион вопросов, однако я не знал, который из них самый важный. Не мог сосредоточиться ни на чем, кроме одной навязчивой мысли:

Ни на что не рассчитывай, пока не увидишь его своими глазами. Если Гарольд жив, ему уже за семьдесят. Запросто можно обзваться. Скорее всего, Майки ошибся, он ведь не видел моего брата с детства...

Я снова и снова повторял про себя эти слова, словно мантру.

Наконец прибыв на место, я увидел викторианские здания с арочными окнами и стремящимися ввысь башенками. Майки упомянул, что большая часть старого госпиталя находится в запустении, занимает он теперь лишь два корпуса, и содержатся там пятьдесят пять пациентов на полном пансионе.

Я вылез из машины и уставился на фасад. Госпиталь приветствовал меня пронзительным, пробирающим до костей ветром. Я надвинул шапку и запахнул куртку, однако холод уже успел пробраться под одежду.

Высоченные кованые ворота были закрыты, но не заперты. Как только я прошел на территорию, раздвинув створки, ветер тут же с грохотом их захлопнул. Над заросшим травой двором прозвучал звон.

Обернувшись, я глянул на ведущую к госпиталю улицу. За исключением моей старой машины, стоящей на обочине, дорога была пуста. Уставившись под ноги, я побрел вперед, нарушая мертвую тишину хрустом гравия под ботинками.

Постучался, и в дверях возникла приземистая медсестра с хмурым неприветливым лицом.

— Чем могу помочь?

— Я приехал навестить пациента.

Она сдвинула брови.

— Никогда вас здесь раньше не видела. Новые посетители у нас не появляются, потому что нет новых больных. Все наши пациенты находятся в госпитале по несколько десятков лет.

— Да,— кивнул я.— И все же у вас содержится близкий мне человек — я лишь недавно узнал, что он здесь.

— Как вас зовут?

— Бенджамин Танмор.

— Фамилия пациента?

— Гарольд Танмор.

Медсестра поджала губы и оглядела меня с ног до головы.

— Никогда о таком не слышала.

Она закрыла тяжелую деревянную дверь, однако я шагнул вперед и успел втиснуть ногу.